

О.А. Кострова
(Самарский педагогический университет)

Экспрессивность синтаксического знака:

функционально-креативный аспект¹

В рамках предлагаемого подхода экспрессивность рассматривается как результат процессов метафоризации, метонимизации, импликации, обобщающего повторения, расчленения, включения, перемещения и метасемиозиса. Будучи вовлеченным в эти процессы, синтаксический знак изменяется, приобретает новые свойства. Природа этих свойств имеет производный функционально-креативный характер – это свойства, которые создаются и проявляются в речевом употреблении, в дискурсе.

Функциональные изменения синтаксического знака можно описать в рамках философско-логического метода, разработанного отечественными философами и впервые предложенного для систематизации психолингвистических объектов О.Д. Наумовой. Совокупность объектного мира речевой коммуникации распадается, согласно О.Д. Наумовой, на три области: 1) язык как система: языковая коммуникация; 2) язык как процесс: речевая коммуникация и 3) язык как способность: речевой механизм/речевая функция. Для этих объектных областей в соответствии с избранным подходом выделяется три уровня формализации понятийного аппарата: уровни эмпирии, абстракции и идеализации [Наумова, 1987:12].

На эмпирическом уровне смысловые изменения проявляются в поверхностной структуре самого знака (текста как элемента языковой системы и как ре-

¹ Опубликовано в «Актуальные проблемы коммуникативной грамматики: Материалы Всероссийской научной конференции» – Тула 2000, с. 76-81.

чевого произведения): в размере знака, перестановке или повторе его компонентов, в расчленении или усечении его формы. Абстрактный уровень интерпретации захватывает глубинную (недоступную непосредственному наблюдению) семантическую структуру знака: значение языковой единицы конструируется аналитическим путем; на фоне сравнения со всем множеством других знаков языка, манифестирующихся во множестве текстов, выделяются семантические компоненты интересующего нас знака. На уровне идеализации языковой знак интерпретируется как речевой: он оказывается вовлеченным в процесс метасемиозиса, связанный с общим замыслом автора. При этом смысл знака усложняется, «оттеняется» в результате имплицативных наслоений, в частности метафоризации. Степень понимания имплицативных смыслов зависит в широком смысле от речевого сознания реципиента, а в системно-языковом смысле – от семиологического оператора [термин О.Д. Наумовой, 1987: 14, 25], с помощью которого реципиент соотносит смысл текста со своей собственной социоментальной картиной мира, не в последнюю очередь с опытом прочтения других текстов. Название уровня – «идеализация» – объясняется, с нашей точки зрения, тем, что авторский замысел практически недоступен нашему восприятию в чистом виде: мы всегда идеализируем его с позиций собственного социо-культурного опыта. Возможно и другое объяснение термина «идеализация»: знак, вовлеченный в процесс метасемиозиса, внешне может оставаться без всяких изменений; интерпретируя его функции, мы не можем опереться на «материальные» факторы и вынуждены идеализировать возможности его формы. Этот уровень формализованного восприятия объясняет неограниченную функциональную пластичность знака.

Обратимся к примерам.

Проиллюстрируем сначала функциональные свойства знака, отмечаемые на эмпирическом уровне как поверхностно-синтаксические изменения формы, такие как перемещение, расчленение, повтор. Процесс перемещения составных частей знака относительно друг друга обычно описывается в терминах словорасположения. Некоторые случаи перемещения описываются в стилистике и называются эмфатическим порядком слов. В высказываниях с таким словорасположением нарушается порядок следования компонентов естественного обозначения ситуации «от известного к неизвестному», от темы к реме. Начиная высказывание с ремы, говорящий невольно делает на ней сильное фразовое ударение, что и создает сильную экспрессию. Ср.:

«*Gar nichts* werde ich nachher mit dir ansehen», gab sie ihm zur Antwort (A. Andersch).

Синтаксический знак, в котором порядок следования компонентов отличается от естественного расположения компонентов обозначаемой ими ситуации, переходит в разряд **неиконических** знаков [ср. Givón]. Теряя иконичность, знак приобретает экспрессивность. Яркие случаи экспрессии описываются стилистикой, более умеренные стилистикой не регистрируются. Описание последних в терминах неиконичности проявляет их стилистический потенциал. Покажем это на примере.

Для наглядности возьмем такой синтаксический знак, в котором составные части относительно автономны, например, сложноподчиненное предложение (далее - СПП) с придаточным времени. Если порядок следования главного и

придаточного предложений совпадает с порядком следования обозначаемых этими знаками ситуаций реальной действительности, мы говорим о *синтаксической иконичности* знака. Если в языковом знаке порядок следования частей изменен, возникает *синтаксическая неиконичность* и вместе с ней экспрессивность знака. Ср. следующее предложение и его трансформацию:

Als das Schiff vor Canoeel ankerte, ging Rual als erster ans Land (G. de Bruyn)
→ Rual ging als erster ans Land, als das Schiff vor Canoeel ankerte.

Нормативный синтаксис не учитывает разницы в значении того и другого высказывания. Разница проявляется (на уровне актуального синтаксиса) в смещении акцента и изменении просодического оформления. Если в исходном высказывании темпоритм произнесения придаточного и главного предложений примерно одинаков, то в трансформированном высказывании главное предложение явно произносится в замедленном темпе с размеренным ритмом. Иной темпоритм имплицитно подразумевает дополнительный оценочный смысл: «важность происходящего». Это и создает определенную экспрессию.

Процесс расчленения высказывания тоже создает его синтаксическую неиконичность и вместе с ней экспрессивность. Следствием этого процесса в немецком языке являются так называемые присоединительные конструкции, обособления, парцелированные придаточные предложения. Все они достаточно экспрессивны. Ср. соответственно:

«Du störst mich auch gar nicht. - Dabei», fügte sie hinzu (A. Andersch);

...sie kam von Mestre herüber, *alt, klein und zäh*, um ihm ein paar Fische zu bringen (ebd.);

Ein solches Leben, einen solchen Hintergrund - konnte man sie mit dem Wort Resignation bezeichnen? (Ebd.);

Синтаксическая неиконичность характеризует и стилистически маркированные высказывания, например, при их метонимическом сокращении или эллиптировании. В таких случаях ситуация обозначается только через именование ее отдельных компонентов. Эллиптические высказывания типичны для прямой и несобственно-прямой речи персонажей, составляя отличительные особенности этих видов речи. В несобственно-прямой речи они могут имитировать «поток сознания», приобретая тем самым повышенную экспрессивность. Например, героиня романа А. Андерша «Рыжая», оказавшись на вокзале за пять минут до отхода поезда, мысленно механически регистрирует:

Abfahrt 16.54, also fünf Minuten Zeit... (A. Andersch).

В прямой речи персонажей эллиптические высказывания своей лаконичностью создают особое напряжение. Ситуативная краткость реплик имитирует живую картину естественного диалога. Моделирование ситуации непосредственного общения несомненно повышает экспрессивность выражения. Сравните предельно краткий диалог той же героини с кассиром:

Franzisks war zu einem Schalter gegangen und hatte gefragt, wann der nächste Zug ginge.

«*Wohin?*»

«*Irgendwohin.*» (A. Andersch).

На абстрактном уровне формализации понятие иконичности применимо к семантическому аспекту синтаксического знака. Поскольку основным свойством синтаксического знака, отличающим его от знака лексического, является способность именовать целую ситуацию, обозначаемую «ключевым словом» и именами актантов, то при определении иконичности мы имеем дело с лексико-семантической комбинаторикой. Такая комбинаторика предусматривает «специальную технику осмысленного расчленения и сочленения семантических представлений» [Мельчук, 1999: 70]. Расчленить семантические представления можно в терминах семантических субкатегорий соответствующих частей речи. Например, словосочетание *aus dem Haus* семантически расчленяется на субкатегории пространственного предлога и пространственного же (локативного) существительного. Сочленение этих субкатегорий можно считать естественным, так как базовые значения обоих компонентов относятся к одной семантической области. В этом случае можно говорить о семантической иконичности синтаксического знака, в основе которой прозрачность и естественность комбинаторики. Нарушение этой естественности тесно связано с процессом метафоризации. Скажем, сочетание предлога *aus* с существительным непространственной семантики становится семантически неестественным и вследствие этого метафоричным. Ср.:

...sie hatten ihn (den Schnellzug - O.K.) sicherlich erst vor ein paar Minuten *aus dem Regen* ...in die Halle geschoben (A. Andersch).

В этом случае мы говорим о семантической неиконичности словосочетания *aus dem Regen*. Очевидно, что экспрессивный эффект подобных выражений значительно повышается. Аналогичный эффект возникает при сочетании подлежащего и сказуемого, выраженных лексемами, принадлежащими к разным семантическим областям. Сравните сочетание неодушевленного существительного с глаголом, обозначающим действие человека или животного:

Die Fenster gähnten (W. Borchert).

Ключевым словом в обозначении ситуации может оказаться подчинительный союз. С нашей точки зрения, его семантику тоже можно расценивать либо как иконичную, либо как неиконичную в зависимости от прозрачности его внутренней формы. Прозрачность эта обеспечивается этимологически - живостью внутренней формы, ее выводимостью, а на современном уровне анализа - ее однозначностью. Такова, например, семантическая прозрачность темпорального союза *nachdem*, который можно рассматривать как семантически иконичный знак. Этимология других темпоральных союзов затемнена, а сами они в современном языке многозначны. Это, например, такие союзы, как *als* и *wenn*. Их мы называем семантически неиконичными.

Дискурсивный процесс имеет еще одну сторону – идеально-прагматическую. Парадоксальное на первый взгляд терминологическое сочетание следует понимать с учетом неизбежной двусторонности процесса речевого общения, включающего производителя и получателя речи. Если вспомнить схе-

му К. Бюлера, процесс этот имеет издержки в виде потери и преобразования информации на пути от одного участника коммуникации к другому. В этом смысле оба и прагматичны (у каждого свои намерения, которые никогда не совпадают полностью), и в то же время идеализированы в глазах партнера (именно потому, что им приписываются не вполне такие намерения, которые у них есть на самом деле). Исходя из этого, общепринятое обозначение широко распространенного ныне подхода как только «прагматического» представляется, строго говоря, односторонним; было бы логичнее расширить термин определением «идеализированный».

Идеализированная прагматика позволяет рассмотреть метасемиотику знака, то есть его функциональную роль в дискурсе, определяемую с позиций его дискурсивной иконичности/неиконичности. Функциональная роль языковых единиц в дискурсе описывается иногда через социолингвистическое понятие «прагматическая уместность» [ср. Techtmeier]. В нашей терминосистеме назовем эту уместность «идеализированно-прагматической». В отличие от описанных выше уровней формализации уровень дискурса имеет, видимо, универсальное значение в том смысле, что экспрессивность создается на этом уровне и в том случае, если знак идеализированно-прагматически уместен (иконичен), и тогда, когда эта уместность нарушается, то есть возникает его идеализированно-прагматическая неиконичность. В обоих случаях знак метасемиотичен, а его дискурсивная функция экспрессивна. Экспрессивность складывается как результат предпочтений выбора тех или иных знаков. В первом случае возникает впечатление абсолютной естественности знакоупотребления; на абстрактном уровне формализации отсутствуют нарушения сочетаемости, экспрессивность не воспринимается как явная. Тем не менее она присутствует и основана на

психологическом эффекте эмпатии (сопереживания), который расшифровывается только на уровне идеализации. Мастером имплицитно экспрессивного дискурса был Э.М. Ремарк. Во втором случае имеет место эксплицитная экспрессия, которая формируется на основе системных экспрессивных вариантов знака как на уровне абстракции (в виде нарушений сочетаемости семантических субкатегорий, их неполноты или избыточности), так и на уровне идеализации (при семантизации образного употребления знака с помощью семиологического оператора). В дискурсе может иметь место и идеализированно-прагматическая неуместность, известная в стилистике под названием «*Stilbruch*», то есть «нарушение стиля».

Таким образом, экспрессивность знака характеризуется функциональной креативностью и может быть описана как результат взаимодействия трех параметров: синтаксической иконичности/неиконичности знака, его семантической иконичности/неиконичности и его идеализированной прагматической уместности/неуместности.

Предлагаемый подход близок к подходу, описанному В.А. Жеребковым через понятие «лингвооперативное координирование», которое охватывает самые разнообразные возможности создания стилистической значимости [Žerebkov 1978:145]. Под лингвооперативным координированием В.А. Жеребков понимает «согласование языковых знаков, их компонентов и комбинаций друг с другом, а также с колингвистическими факторами» [Žerebkov 1978:145]. Лингвооперативная координация может быть полной или частичной. Полная координация образует предмет нормативной стилистики, которая, например, предписывает правила оформления делового документа, заявления, договора и т.п., заставляющие нас избирать определенные синтаксические структуры. При нарушении этих

правил имеет место частичная координация, описываемая в других стилистиках в более широком контексте как градация грамматичности [Steube, Шендельс], отклонение от нормы [Kopperschmidt], эмоциональные коннотации [Bally, Seidler, Schneider], наконец, как контраст [Riffaterre]. В.А. Жеребков выделяет два основных вида частичной координации: конфронтацию и контраст [Žerebkov 1978:145] и полагает, что именно они образуют предмет экспрессивной стилистики. Мы расширяем функции полной лингвооперативной координации, считая их достоянием не только нормативной, но и экспрессивной стилистики.

Библиография

Мельчук И.А. Опыт теории лингвистических моделей «СМЫСЛ ↔ ТЕКСТ». – Москва: Школа «Языки русской культуры», 1999.

Наумова О.Д. Объектный мир речевой коммуникации и систематизация психолингвистических понятий: Автореф. дис. ...докт.филол.наук. – Москва, 1987.

Bühler K. Sprachtheorie. – Stuttgart: Fischer, 1965.

Givón T. Mind, Code and Context: Essays in Pragmatics. - Hillsday; New Jersey; London: Lawrence Erlbaum Associates, Publishers 1989

Techtmeier B. Die kommunikative Adäquatheit sprachlicher Äußerungen // Sprache und Gesellschaft. – Berlin: Akademie-Verlag, 1977 – Bd. 11: Normen in der sprachlichen Kommunikation. – S. 102-162.

Žerebkov V.A. Deutsche Stilgrammatik. – Moskau: Vysschaja schkola, 1988.

Источники

Andersch A. Die Rote: Roman. – Zürich: Diogenes 1974

Borchert W. Das Gesamtwerk. – Halle (Saale): Mitteldeutscher Verlag, 1958

Bruyn G. De. Tristan und Isolde: Nach Gottfried von Strassburg neu erzählt von
Günter de Bruyn. – Berlin: Neues Leben, 1981